

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

Имя Рут Бенедикт (Ruth Fulton Benedict, 1887–1948), одного из классиков культурной антропологии XX столетия, — вряд ли ошибусь — практически неизвестно не только широким кругам российских читателей, но и большинству выпускников наших профильных кафедр, ранее называвших себя этнографами, а сейчас этнологами или антропологами. В вузовском учебнике «Основы этнографии» или «Основы этнологии», в лучшем случае, одной-двумя фразами, в общем ряду книг тех, кого принято относить к направлению «культура и личность», упоминались две работы Бенедикт — «Модели культуры» и «Хризантема и меч». Чуть большее погружение учащихся в материал ожидалось на 3 курсе в рамках специализации, но и оно всецело зависело от начитанности лектора, а у большинства из них с чтением зарубежной литературы, надо признать, были значительные сложности: кроме статьи Р. Бенедикт в одной из антологий конца 1990-х*, ни одна из ее монографий до самого недавнего времени не была полностью переведена на русский язык**. Первой оказалась книга, ставшая классикой в японистике: «Хризантема и меч». Она стала доступ-

* Бенедикт Р. Психологические типы в культурах Юго-Запада США // Антология исследований культуры. Т. 1. Интерпретация культуры. Санкт-Петербург. Университетская книга, 1997. С. 271–284 (перевод статьи: *Benedict R. Types in the Culture of Southwest // Readings in Social Psychology. N.Y., 1947. P. 15–23).*

** В целом ряде книг (учебников, монографий, статей и диссертаций), изданных в России, встречается ссылка на книгу-фантом «Антология культурной антропологии» (М., 1998), в которой якобы были напечатаны переводы книг Рут Бенедикт. К сожалению, такая антология не существует. Пример ссылки на эту «книгу» см., напр.: Основы этнологии: Учебное пособие / Под ред. проф. В.В. Пименова. М.: Изд-во МГУ, 2007. С. 58.

ной русскоязычному читателю в 2004 году*. Как это часто бывает, мы порой получаем в руки книги, истоки появления которых сложно понять, не зная того, как именно, через какие иные труды, пробы и ошибки, какой именно путь и почему прошел этот автор к данной своей книге. Случай с книгой «Хризантема и меч», написанной без знания японского языка и без поездок в Японию, — из этого ряда. Это не первая большая работа Бенедикт. Ей предшествовали и двухтомная «Мифология зуни» (1935), и теоретически насыщенное исследование «Модели культуры» (1934). Последняя в течение всего лишь четверти столетия была переведена на 14 языков и стала одной из важнейших работ в списках обязательной литературы студентов-антропологов почти во всех (увы, не во всех) вузах мира.

Но и «Модели культуры», переводом которой мы можем сейчас насладиться, не есть ключ к пониманию всего того, что характеризовало в целом упомянутое выше направление «культура и личность», базировавшееся на ряде фрейдистских установок. Надеюсь, что когда-то у нас окажутся переводы не только книг Рут Бенедикт и гораздо более известной у нас Маргарет Мид (применительно к обеим коллегам мы сейчас можем говорить, что переводы их трудов в основном уже опубликованы), но и таких их коллег-антропологов, как Абрам Кардинер, Ральф Линтон и др. Начать углубленное знакомство с трудами этих выдающихся исследователей можно было бы и иным путем — через чтение книг об их жизненном пути и их научном творчестве, но тут мы снова наталкиваемся на языковой барьер. Рут Бенедикт посвящено по меньшей мере полдюжины книг, написанных, например Маргарет Мид (1974), Дугласом Луммисом (1982), Маргарет Кэффри (1989) и Юдит Моделл

* Бенедикт Р. Хризантема и меч: Модели японской культуры. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004 (Серия «Книга света»). После этого книга переиздавалась неоднократно.

(1983), десятки глав в авторских и коллективных монографиях Джорджа Стокинга (1986), Клиффорда Гирца (1988), Уильяма Адамса (2016), Элизабет Райхель (2021) и многих-многих других. И все это — книги, переводов которых с английского у нас до сих пор нет.

Тем значимее представляется выход книги Рут Бенедикт «Модели культуры» на русском языке.

Кто-то из скептиков наверняка заострит внимание на том, сколько в этой книге (напомню, она вышла почти 90 лет тому назад!) — с точки зрения сегодняшнего нашего знания — устаревшей лексики («менее развитые» или «первобытные народы», «менее развитые общества», «уровни развития культуры», «примитивные культуры» и т. п.), и на том, что вся книга есть во многом следствие увлечения того времени психоаналитическими построениями Зигмунда Фрейда, от (некритичного использования) которых антропология давно уже отказалась, и что даже само намерение Бенедикт понять «целостное устройство поведения... нескольких культур», «всесторонне осмыслить лишь несколько культур», отведя каждой из трех рассматриваемых ею культур по 20 страничек текста, — свидетельство ее особенно, более мягко не сказать, представления и об устройстве этих культур, и о познавательных возможностях антропологии. Все эти и многие иные критические замечания могут показаться абсолютно верными.

Но столь же верно будет сказать, что в данном случае такого рода оценки совершенно неуместны. Книга эта писалась не здесь и сейчас, а там и тогда, в совершенно иных социальных, в том числе академических, условиях. Бенедикт пыталась (словно геолог, изучающий горную гряду) охватить доступные ее взгляду культуры целиком... как если бы это было возможно. Множество обобщений, тем не менее, оказываются наполненными смыслом вплоть до настоящего времени. Бенедикт писала: «В его (челове-

ка. — Д. Ф.) зародышевой клетке не содержится никакой информации о племенной организации, языке или местных верованиях», «у нас нет никаких оснований доверять наши духовные и культурные достижения каким-либо наследственным генам». А это именно то, понимания чего часто до сих пор не хватает тем, кто рассуждает об «этнусах» и пытается приписывать людям этническую идентичность в качестве некоего «врожденного свойства» и, более того, связывать культурные модели с теми или иными генами. Есть в этой книге и то, что, пожалуй, следовало бы знать всем управленцам. Бенедикт, опираясь на наблюдения Расмуссена, указывала, что есть народы, для которых даже допущение вероятности войны невозможно. Эскимосам «чужда мысль о том, что одна эскимосская деревня может пойти войной на другую эскимосскую деревню, или одно племя — на другое, или что одна деревня может наброситься на другую из засады, как на легкую добычу». В первые годы после завершения Второй мировой войны размышления на эту тему были особо важны для читавших эту книгу. По-прежнему актуальными остаются мысли Бенедикт о важности повышения терпимости к многогранности культур. «Никто не может стать полноценной частью какой-либо культуры, — пишет она, — если он не был в ней воспитан и не жил в соответствии с ее порядками». И тут же добавляет: «...но он может признать, что для представителей другой культуры она имеет ту же значимость, что и его собственная — для него самого». Казалось бы, простые и понятные мысли, но и тогда, и сейчас — даже при том, что Бенедикт всякий раз, выводя свои рассуждения на уровень современности, обращается к иным культурам, — они во многом и для многих остаются либо неприемлемыми, либо по меньшей мере провокативными. Это хорошо почувствовал Клиффорд Гирц, специально анализировавший творчество Рут Бенедикт. Он писал: «риторическая страте-

гия», которой Бенедикт пользуется «снова и снова, от начала своей карьеры и до конца» — это «сопоставление слишком привычного и дико экзотического таким образом, что они меняются местами... Наши собственные формы жизни становятся странными обычаями чужого народа: те, что живут в какой-то далекой стране, реальной или воображаемой, становятся ожидаемым поведением при данных обстоятельствах. Там смущает Здесь. Не-мы (или не-США) нервируют нас»*. К этому можно добавить, пожалуй, лишь то, что хорошо знают нынешние антропологи: слишком близкое порой наделяется максимально уродливыми характеристиками... с той же целью: чтобы не казаться столь похожим и не смущать.

Все, о чем повествуется в «Моделях культуры», — более чем серьезно. И не случайно, наверное, для рассказа о значимых и серьезных материях Бенедикт выбрала стиль, который позже был обозначен не то сатирическим, не то комедийным, но который при этом позволял ей сохранять всю серьезность допускаемой ею иронии**.

С момента первого прочтения меня не оставлял вопрос о том, как и почему эта книга смогла завоевать умы и сердца миллионов читателей. Да, она маленькая по объему, компактная, я бы сказал. Да, она задействует для представления этнографического материала простейшую схему — триаду: в книге нарисованы «портреты» индейцев пуэбло юго-запада США, добуанцев — жителей южной части восточного побережья Новой Гвинеи, и квакиутлей северо-западного побережья Америки. Да, в книге, с опорой на ницшеанскую модель, все многообразие культур сводится к простейшему набору — «аполлоническому» и «дионисийскому» типам. Но есть что-то еще, что, как писала

* *Geertz C. Works and Lives: The Anthropologist as Author. Cambridge, U.K.: Polity, 1988. P. 106.*

** *Ibid. P. 107.*

Бенедикт о культурах, не есть простая сумма неких характеристик («культуры суть нечто большее, нежели чем сумма присущих им черт»). И это, мне кажется, общая результатанта всего сказанного, включая стиль письма. В итоге мы имеем не просто нужную книгу в нужное время (это, кстати, слова Гирца: «The right text at the right time»*), но книгу — на все времена. И не потому, что написанное в ней является — в научном плане — образцом для подражания современных исследователей, отнюдь нет, а потому что оно затрагивает важнейшие вопросы человеческого бытия, позволяя, глядя на «других», глубже постигать самих себя.

В набросках одного из текстов, изданных уже после смерти Бенедикт, она так высказалась о написанном и не-написанном:

«Я ЛЮБЛЮ некоторые свои изданные книги столь же сильно, как и любой другой (свои). Но точно так же мое сердце всегда бьется чаще (при виде) книги с пустыми страницами, чем если бы это была книга со страницами, заполненными текстом.

Слышимые мелодии сладки, но те, что не слышны,
Слаще...»**

Страницы книги «Модели культуры», к счастью для всех нас, — не пустые (во всех смыслах этого слова), их наполненность текстом и смыслами такова, что заставляет чаще стучать сердца читателей вот уже почти девять десятилетий. Теперь и тех, кому удобнее читать и воспринимать написанное на русском языке.

Дмитрий Функ
4–6 ноября 2022 г.

* Geertz C. Works and Lives: The Anthropologist as Author. P. 111.

** Из «Предисловия к Антологии», изданного Margaret Мид: *Benedict R. Preface to an Anthology // An Anthropologist at Work: Writings of Ruth Benedict / by Margaret Mead. Boston: Houghton Mifflin, 1959*; перевод по изданию 2017 г. Разбивка на строки сохранена. — Д. Ф.